

9724925-1

На правах рукописи

СКОРИК Александр Павлович

**ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРИМЕНТОВ И ОШИБОК
В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Специальность 09.00.11 - "Социальная философия"

**Автореферат диссертации
на соискание учёной степени
доктора философских наук**

Ростов-на-Дону - 2001

Работа выполнена на кафедре философии и культурологии
Института по переподготовке и повышению квалификации
при Ростовском государственном университете

Научный консультант –
доктор философских наук, профессор,
ДАВИДОВИЧ Всеволод Евгеньевич

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор Шевченко В.Н.;
доктор философских наук, профессор Ермоленко Т.Ф.;
доктор философских наук, профессор Радовель М.Р.

Ведущая организация: Уральский государственный университет

Защита состоится 18 января 2002 г. в 13⁰⁰ на заседании
диссертационного совета Д 212.208.01. по философским и
социологическим наукам в Ростовском государственном университете
(344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, ИППК при РГУ,
ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в научной зональной
библиотеке Ростовского государственного университета (ул.
Пушкинская, 148).

Автореферат разослан 18 декабря 2001 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000499391

Учёный секретарь

диссертационного совета

Маринов М.Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Актуальность настоящего диссертационного сочинения вполне может быть инициативно рассмотрена и когерентно воспринята, прежде всего, в гносеологическом и социально-управленческом аспектах, каждый из которых по-своему привлекателен с позиции полученных результатов. Исходя из вѣдомых приоритетов, уже давно расставленных философской традицией, начнѣм наше изложение с *гносеологического* аспекта.

История, являясь сакраментальным императивом человечности, выступает как одна из самых древнейших наук в мире, где слиты в одно целое единичное личное и всеобщее человеческое. Еѣ развитие традиционно характеризовалось не только постоянным количественным умножением исторических знаний, но и колоссальным изменением их качества. Интерпретация, как глобальная, так и частная, как позитивная, так и негативная, исторических фактов, событий и явлений всегда занимала лучшие умы человечества. Так постепенно сложилось направление в науке, ныне называемое историософией и/или философией истории, к которому может быть отнесено и настоящее исследование.

Наш опыт познания социальной реальности отнюдь не рассматривается в представляемой диссертации как некий полностью завершѣнный эксперимент. Мы также вообще не пользовались точными лабораторными методами исследования, поэтому и не воссоздаѣм в опытном порядке различные общественные ситуации, а тем более не в состоянии сделать абсолютно безошибочные заключения из того, что случилось или случится. Мы стремимся по-своему осмыслить, по-новому понять социальную динамику исторического процесса, приводящую к состоянию исторической ошибки и/или запускающую механизм (программу) социального эксперимента. Мы вознамерились логически структурировать ментальную ауру социальных групп, во многом обуславливающую социокультурную составляющую исторического процесса. Осуществляемая нами историческая реконструкция бесспорно требует известного воображения и последующего уяснения, что и позволяет вписать данный труд в социально-философское информационное поле.

Ключевые понятия исследования создают свою смысловую перспективу, которая заставляет нас проникать и в смежные области знаний. Возьмём, например, ошибку. Ошибиться, ошибаться, ошибка, по справедливому замечанию известного этимолога русского языка Макса Фасмера, означает собственно "промахнуться, ударить мимо цели". Тем самым, историческая ошибка выступает преимущественно как отход, отступление от основного направления прогрессивного развития, от ранее заявленной цели, традиционно трактуемой как эквивалент некоего общего блага. Здесь мы вступаем в область социальной мистификации, характерной для человеческого сообщества в любой цивилизации: декларируемая цель подаётся в виде самого замечательного идеала. Идеал, как известно, абсолютно недостижим. Он испокон веков существует лишь как типизированное направление людских устремлений, непревзойдённое средоточие ценностных побуждений личности, классическое выражение цивилизованности человеческого сообщества. Отсюда логически следует, что ситуация исторической ошибки постоянно сопровождает социальную организацию, поскольку идеал выступает как факт и как процесс, то есть по мере общественного развития становится очевидной его абсолютная недостижимость, а сам он трансформируется и/или заменяется со временем новым. Поэтому вопрос заключается в том, когда и при каких условиях историческая ошибка становится социальной реальностью?! Социальный эксперимент также берёт своё начало в попытке достичь идеал. Его происхождение и развитие составляет другой сегмент информационного поля, именуемого историческим процессом. И опять возникает всё тот же сакраментальный вопрос: когда и при каких условиях эксперимент становится социальной реальностью?!

Актуализация авторского исследовательского поиска в контексте реформирования современного российского общества ставит довольно сложную задачу - цивилизованно показать тенденции, имеющие своим следствием ситуацию исторической ошибки и/или социального эксперимента, а также избежать при этом политических пристрастий. Именно в этом плане можно говорить о *социально-управленческом аспекте актуальности* исследования. Наша работа представляет собой попытку развития теоретического багажа знаний, дающих возможность успешно анализировать кризисные и/или переходные состояния общества,

предлагать приемлемые варианты относительно стабильного протекания социальных процессов, целенаправленно готовить систему социального управления к принятию глобальных и частных решений, смягчающих вероятные конфликтные ситуации. Иначе мы вновь и вновь будем повторять вечные истины, одна из которых весьма показательно гласит: “любые значимые дела проходят пять стадий: шумиха, неразбериха, поиск виновных, наказание невиновных, награждение непричастных”.

Степень разработанности темы исследования. Философия истории, с одной стороны, как неотъемлемая часть социальной философии, а с другой - как общая теория исторических наук имеет весьма давнюю и очень устойчивую философскую традицию. Вполне достаточно указать на такие известные научной общественности имена как Платон, Аристотель, св. Аврелий Августин Блаженный, Шарль Луи Монтескье, Мари Жан Антуан Никола Кондорсе, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Карл Маркс, Робин Джордж Коллингвуд, Генрих Риккерт, Эрнст Трёльч, Георг Зиммель, Карл Манхейм, Освальд Шпенглер, Карл Раймунд Поппер, Бенедетто Кроче, Карл Ясперс, Арнольд Джозеф Тойнби, Юрген Хабермас, Френсис Фукуяма, Олвин Тоффлер и других видных философов. Среди блестящей плеяды русских учёных можно отметить такие имена как Николай Яковлевич Данилевский, Константин Николаевич Леонтьев, Алексей Фёдорович Лосев, Х. Раппопорт, Николай Иванович Кареев и др. Из современных исследователей необходимо обязательно выделить Арона Яковлевича Гуревича, Анатолия Ильича Ракитова, Григория Соломоновича Померанца, Виктора Григорьевича Афанасьева.¹

Наряду с этой когортой учёных-мыслителей, следует иметь в виду при анализе отдельных проблем научного дискурса и ряд исследователей, которые плодотворно работали над осмыслением отдельных частей категориального аппарата философии истории. Их категориально-понятийные представления о таких глобальных вещах как “изменение”, “время”, “становление”, “событие”, “процесс”, “система” заслуживают специального внимания. В числе таких учёных следует особо отметить Георга Хенрика фон

¹ Наименование и библиографическое описание работ авторов здесь и далее указываемых без ссылок даны в диссертационном списке использованной литературы.

Вригта, Дж. Мактаггарта, Ч. Хэмблина, В.Е. Давидовича, Д. Клиффорда, Д. Даути, П.К. Анохина, А.А. Ивина, А.С. Панарина, В.Н. Шевченко, Е.С. Яковлеву и др. Именно их работы в обозначенной части философского анализа представляют несомненную ценность и научно-теоретическую актуальность с позиций данного диссертационного исследования.

Также автор использовал целый ряд социально-философских работ, посвящённых анализу отдельных проблем общественного развития, которые представляли интерес с точки зрения глубины проникновения в изучаемую проблему. Среди таких научных исследований следует выделить работы Барулина В.С., Волкова Ю.Г., Гобозова И.А., Ермоленко Т.Ф., Ильина В.В., Кемерова В.Е., Момджяна К.Х., Новиковой Л.И., Радовеля М.Р., Резника Ю.М., Семёнова Ю.И., Сиземской И.Н. и др.

При изложении отдельных положений исследования диссертант обращался к социально-философским разработкам целого ряда зарубежных исследователей, изучал их опыт концептуальных построений, анализа научных категорий, стиля подачи материала. Среди таких научных исследований следует выделить работы Дэниела Бруэра, Пьера Бурдьё, Мишеля Винока, Жака Деррида, Жака Жюллиара, Мануэля Кастеллса, Нияло Кауппи, Бернарда Леви, Вольфа Лепениеса, Ричарда Сеннетта, Христофа Шарля и др.

На теоретико-методологические позиции автора и глубину проработки отдельных проблем исследования существенное влияние оказывали публикации наследия великих русских мыслителей, например, работа Пятирима Сорокина "Квантофрения"², которая посвящена рациональному использованию количественных методов в социальном научном проекте. В этом же плане следует отметить научно-методическую разработку Л.Г. Ионина³, представляющую систематическое изложение основ теории социокультурного анализа, которая, в свою очередь, оказала весомое воздействие на авторский научный поиск.

Для историософского анализа привлекались работы как общетеоретического звучания, рассматривающие наиболее общие

² См.: Сорокин П. Квантофрения// Рубеж: альманах социальных исследований. 1999. № 13-14. С. 4-32.

³ Ионин Л.Г. Основания социокультурного анализа: Учебн. пособие. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1996. 152 с.

историософские проблемы⁴, так и конкретно-исторические публикации, посвящённые отдельным историческим периодам. В этом смысле обозреваемые книги последнего десятилетия представляют собой новый этап исторического летописания. Перед нами всё чаще и чаще оказываются теоретически осмыслимые (и авторами этих изданий осмысляемые) исторические названия и описания, поскольку в каждой из этих новых книг *history* по-своему удачно преобладает над *story*⁵. Заслуживают внимания и проблемно-специализированные исследования, которые уделяют внимание отдельным историческим явлениям, событиям, феноменам. Так, для историософского анализа представляет интерес, например, научный сборник о русской интеллигенции⁶, в котором, употребляя английские выражения, ставится научная проблема социальной идентификации: российская интеллигенция - это *self-styled* или *self-appointed elite* ?!

При осмыслении концептуальных подходов и способов разрешения целого ряда исследовательских задач в диссертационном исследовании использовались материалы из философской периодической печати. Особый интерес представляли общеметодологические публикации⁷. Также необходимо выделить ряд

⁴ См. напр.: Вотяков А.А. Теоретическая история. Киев: София, 1999. 343 с.; Гобозов И.А. Введение в философию истории. Изд. 2-е., перераб. и доп. М.: Теис, 1999. 363 с.; Гречко П.К. Концептуальные модели истории. М.: Логос, 1995. 114 с.; Ивин А.А. Философия истории: Учеб. пос. - М.: Гардарики, 2000. 528 с.; Любарский Г.Ю. Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие. М.: изд-во КМК, 2000. 449 с.; Мининков Н.А. Философия истории. Учеб. пос. Ростов н/Д, 1999. 164 с.; Семёнов Ю.И. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М.: Старый сад, 1999. 380 с.; Тарковский М.С. Историософия. Мировая история как эксперимент и загадка. М.: Прометей, 1993. 336 с.

⁵ См. напр.: Шевцова Л.Ф. Режим Бориса Ельцина / Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 1999. 535 с.; Рыжков В.А. Четвёртая республика: Очерки политической истории современной России. М.: Ad Marginem, 2000. 256 с.; Яковенко И.Г. Российское государство: Национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 221 с.

⁶ Русская интеллигенция: История и судьба / Сост. Т.Б. Князевская /РАН; Научный совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 1999. 423 с.

⁷ См. напр.: Богатырёва О.А., Шиллеров А.Е. Синергетический подход к изучению социальных систем: возможности и ограничения // Полигнозис. 2000. № 1. С.61-68; Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3-27; Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 113-

поисковых работ с историософской постановкой отдельных проблем⁸, которые помогли автору концептуализировать собранный эмпирический материал. Активно ведётся разработка теоретических основ историософской традиции⁹. Довольно чётко обозначилось в литературе прогностическое направление исследований¹⁰.

Для анализа проблем социального эксперимента были привлечены обстоятельные научные изыскания целого ряда учёных, которые рассматривали вопросы социальной истории в своей исследовательской парадигме, но диссертант использовал их опыт изучения отдельных аспектов общественного развития. Например, профессор Калифорнийского университета Майкл Буравой детально проанализировал социальную реакцию современной России и россиян на рыночные реформы¹¹. Степень же изученности некоторых проблем социального эксперимента специально рассматривается в первом параграфе первой главы диссертации.

На одно из первых мест в списке исследовательских приоритетов при изучении вопросов общественного развития в последнее время выдвигается ментальность (менталитет). Это понятие используется разными общественными науками: психологией, социологией, философией. Пионерами в применении этого понятия в истории стали французские учёные, принадлежавшие к школе "Анналов". Они ориентировались на поиск фундаментальных

129; Куцова Э.Л. Трансформация классического понимания смысла в философии постмодернизма // Гуманитарные и социально-экономические науки (Ростов н/Д). 2001. № 1. С. 28-31.

⁸ См. напр.: Флиер А.Я. Культура как смысл истории // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С.150-159; Костин В.А., Костина Н.Б. Социальные изменения в концепциях исторического процесса // Социс. 2000. № 1. С. 6-15.

⁹ См. напр.: Неклесова А.И. Трансмутация истории // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 58-71; Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. "Русская система" как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4. С. 37-48; Крымский С.Б. Метаисторические ракурсы философии истории // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 32-41.

¹⁰ См. напр.: Волков Ю.Г. Идеология и гуманистическое будущее России / Акад. гуманит. наук России. СПб: Ростов н/Д: Б.н., 1999. 96 с.; Востриков С.В. Россия в мире грядущего: прогнозы и перспективы // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 4. С. 3-40; Улюкаев А.В. В ожидании кризиса: Ход и противоречия экономических реформ в России. М.: ООО "Изд-во Стрелец", 1999. 196 с.

¹¹ Буравой Майкл. Великая инволюция: реакция России на рынок // Рубеж: альманах социальных исследований. 2000. № 15. С.5-35.

устойчивых структур сознания, которые, по их мнению, определяли стержень исторического развития. Единого общепринятого определения понятия ментальность (менталитет) не существует. Во французском философском словаре записано: “Менталитет - это совокупность умственных установок, привычек мышления, фундаментальных верований индивида”¹². В российской исторической науке первым попытался сформулировать понятие ментальности А.Я. Гуревич, который является пропагандистом традиций школы “Анналов” в России: “Ментальность - это наличие у людей того или иного общества определённого общего умственного инструментария, психологической оснастки, которая даёт им возможность по-своему воспринимать и осознавать мир и самих себя”¹³. Как видно, французское определение делает упор на индивидуальность. В определении А.Я. Гуревича идёт речь об общественном сознании. В силу этого последнее определение в исторических описаниях является более предпочтительным, так как история имеет дело, прежде всего, с общественными системами. Ментальность, при всей кажущейся эфемерности категории, формирует социальное поведение общества, групп, индивидов. А.Я. Гуревич писал: “Хаотичный и разнородный поток в восприятии перерабатывается сознанием в более или менее упорядоченную картину мира, и это мировидение налагает неизгладимый отпечаток на всё поведение человека. Субъективная сторона исторического процесса, способ мышления и чувствования, присущий людям данной социальной или культурной общности, включается в объективный процесс их истории”¹⁴. В более широком историческом контексте понятие ментальности адекватно особенностям общественного сознания. Для того чтобы понять сущность исторического процесса, надо реконструировать присущий людям данной цивилизации (культуры) способ восприятия действительности, то есть менталитет. В нашем случае ментальность выступает как основополагающая категория, ибо она определяет и ошибку, и эксперимент. Одновременно она есть непосредственно отражаемая рефлексия на эти социальные явления.

Следует отметить и ряд прикладных исследований по ментальности, например, работу Л. Гудкова, который пишет о

¹² Цит. по: Отечественная история. 1995, №3. С. 160.

¹³ Вопросы философии. 1988, №1. С. 63.

¹⁴ Вопросы философии. 1988, №1. С. 65.

этатизированной репродуктивной бюрократии с философией служивых людей¹⁵. Или исследование И. Клямкина и Л. Тимофеева, третья глава которого посвящена типам сознания представителей российской теневой экономики, условно поделённых авторами на предпринимателей, *непредпринимателей* и *предпредпринимателей*¹⁶. Представляют интерес и некоторые сравнительные исследования, охватывающие целый исторический период¹⁷ и/или социальную группу¹⁸. Уделяется внимание и отдельным базовым характеристикам ментальности¹⁹.

Настоящее научное сочинение можно с большим основанием считать одной из первых попыток перейти от довольно содержательных и основательных методологических построений, созданных на идеологических противостояниях и коллизионных началах, к формально-логическим, отличающимся достаточно высокой степенью научной абстракции (осмысленности), языковой (текстуальной) прозрачности и исторической фактологичности (доказательности). Основу данного подхода составляет использование ситуационно-интегративных, модельно-динамических и историко-ментальных структур, а также аппарата системного анализа. В нашем понимании обозначенные аналитические структуры выступают как авторская рефлексия на вероятностное положение вещей, на типичное развитие событий, на определённую сферу изменчивого во времени исторического сознания.

Обстоятельная библиография, представленная в настоящей диссертационной работе, естественно, отражает лишь базовые

¹⁵ См.: Гудков Л. Образованные сообщества в России: социологические подступы к теме // *Неприкосновенный запас*. 1999. № 1(3). С. 29-30.

¹⁶ Клямкин Игорь, Тимофеев Лев. *Теневая Россия: Экономика-социологическое исследование*. М.: РГГУ, 2000. 595 с.

¹⁷ См. напр.: Левада Ю. "Человек советский" десять лет спустя: 1989-1999: (Предварительные итоги сравнительного исследования) // *Мониторинг общественного мнения*. 1999. № 3 (41); Буддаков В.П. Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // *Россия и современный мир*. 2001. № 2 (31). С. 31-47.

¹⁸ См. напр.: Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М.: Ин-т востоковедения РАН; Изд-во "Крафт+", 2001. 176 с.

¹⁹ См. напр.: Грушин Б. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времён Хрущёва, Брежнева, Горбачёва и Ельцина в 4-х книгах: Жизнь 1-я: Эпоха Хрущёва. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 624 с.; Левада Ю. Индикаторы и парадигмы культуры в общественном мнении // Левада Ю. *От мнений к пониманию: Социологические очерки 1993-2000*. М., 2000. С. 305-322.

тенденции и авторский информационно-аналитический срез в понимании результатов современного развития философии истории и методологии исторического исследования. Её осмысление позволяет заключить, что предмет настоящего исследования пока не нашёл своего достойного места в литературе, пока нет специальных научных изысканий, монографических сочинений. Указанные обстоятельства позволяют сформулировать цель диссертационного исследования.

Цель и задачи диссертационного исследования. Предлагаемая диссертация является одной из первых в ряду современных научных работ, пытающихся применить новый категориально-понятийный аппарат к философско-исторической проблематике. Основная *цель диссертационной работы* - это концептуальное рассмотрение исторической ошибки и социального эксперимента на уровне социально-философского анализа. Исследование исторического процесса проводится с применением ситуационно-интегративных, модельно-динамических и историко-ментальных структур, позволяющих находить сегодня новые объяснительные срезы в понимании и осмыслении цивилизационного прошлого, социальной реальности и исторически грядущего.

Достижение поставленной в настоящей работе цели исследования производится путём решения *следующих задач*:

- определить теоретико-методологические подходы к анализу прерывистости исторического процесса;

- разработать категориально-понятийный аппарат, в том числе ряд новых дефиниций, среди которых особое место уделить категории “историческая ошибка”;

- установить критерии, социально-исторические пределы и возможности эмпирической идентификации исторической ошибки;

- выявить типологические характеристики исторической ошибки и её соотношение с другими философскими категориями;

- исследовать интерпретационные возможности и потенциал исторической ошибки;

- выявить базовые параметры для теоретической идентификации социального эксперимента;

- провести качественный анализ практики социальных экспериментов и выявить их социально-психологические, управленческо-экономические и аксиологические характеристики;

➤ разработать модель социального эксперимента и определить её репрезентативность по отношению к общественному развитию;

➤ ввести в исследовательское поле разнообразный конкретно-фактический исторический материал для иллюстрации основных положений авторского взгляда на исторический процесс;

➤ исследовать позитивные характеристики определённых исторических ситуаций, отражающих вероятно-негативное существо социального эксперимента и/или исторической ошибки;

➤ определить базовые ориентиры и архетипы российской ментальности;

➤ охарактеризовать взаимосвязи выявленных исторических ошибок с особенностями российской ментальности;

➤ провести анализ влияния историко-ментальных структур в советском и современном российском обществе.

Объект и предмет исследования. Наша работа посвящена социально-философскому рассмотрению и обобщению конкретно-исторического материала о преимущественно российских социальных экспериментах, а также теоретическому выявлению и детальному анализу культурно-значимых форм сознания, выступающих как способы манифестации действительности и варианты её предельного самопонимания, какими предстают, по мнению автора, исторические ошибки.

Эти универсальные формы (социальный эксперимент, историческая ошибка), в которые однажды отливается содержание окружающего и внутреннего для человека мира, характеризуются нами в терминах исторической реальности, выступающей как продукт деятельности человека в ходе многоликого *исторического процесса*, предстающего в качестве *объекта* диссертационного исследования. Движение выделенных универсальных форм в перспективе историко-философского и социально-культурного процессов находится в центре научного поиска. Иначе говоря, *историческая ошибка и социальный эксперимент* являются *предметом* представляемой диссертации.

Методологическая и теоретическая основа исследования. Концепт исторической ошибки нами вписывается в теорию социокультурных изменений. Основу авторского прочтения теории социокультурных изменений при исследовании социального

эксперимента и исторической ошибки составляют принципы амбивалентности, априоризма и дополнительности.

Двойственность в таком срезе нами истолковывается не только как полюсное позитивно-негативное восприятие социальной реальности. Дихотомия может быть прокомментирована, скажем, как позитив в позитиве, то есть если в “философском зеркале” мы видим положительное историческое явление, то оцениваем исключительно эффект зеркального отражения, и здесь уже не столь важно его собственное полюсное значение. Тем самым, знание, полученное до его изучения на опыте, дополняется ещё одним видением - ситуационно-интегративным, что и позволяет осуществлять социально-философский анализ модельно-динамических и историко-ментальных структур.

В соответствии с данными принципами социальный эксперимент и историческая ошибка понимаются как интеллектуальный источник познания социума, с помощью которого нами создаётся представление о бытийности исторического процесса. Оно, в свою очередь, обладает не только эмпирической реальностью, но и трансцендентальной идеальностью. Социальный эксперимент одномоментно может быть воспринят как продукт человеческого мышления, восприятия и оценки прошлой, настоящей и будущей деятельности и как факт, событие, период истории, как проживаемая реальность, причём время здесь выступает в качестве ингредиента познания. Историческая ошибка одновременно принадлежит ментальному строю человеческого восприятия и многомерного понимания мира, обладая логической всеобщностью. Представление об исторической ошибке не навязано нам внешним миром и неврождено, а выработано, “изобретено” мышлением в процессе исторического познания социума. Оно внешне по отношению к конкретно-исторической ситуации, но не как объект, а как способ реального представления человеческих иллюзий. Историческая ошибка выступает как гносеологический феномен. Это во многом априорная идеальная структура, определяющая специфику человеческого отношения к историческому процессу, его невероятную сложность, обусловленную выходом за рамки непосредственного биологического отношения к миру и устанавливающую окольную связь с этим миром, посредством которой человек вписывается в материальный мир, оставаясь при

этом самым собой. Историческая ошибка дополняет существующие представления о социуме. Она предстаёт ещё одним (наряду с формацией, эпохой, цивилизацией и др.) идеальным конструктом, обеспечивающим познание социальной реальности. И вместе с тем, она вовсе не та замужняя женщина, у которой, согласно народной присказке, позади прекрасное будущее. Она вполне экстраполируема при условии осуществления определённых научно-экспериментальных процедур и в виртуальное научное познание исторического процесса. Историческая ошибка также может быть применена от альфы до омеги в экспертном социальном прогнозировании.

Безусловно, в своих методологических поисках мы не можем полностью отказаться от историзма в качестве метода познания с его принципом подхода к действительности как развивающейся во времени. Историзм предполагает рассмотрение объекта как системы, закономерностей его развития. Истоки историзма восходят к учениям Гераклита, Платона, Аристотеля. Применительно к обществу его разрабатывали Джамбаттиста Вико, Мари Франсуа Аруэ (Вольтер), Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Карл Маркс. В естествознании историзм успешно применяли Чарлз Лайель и Чарлз Роберт Дарвин. С конца XIX в. историзм (его называют также историцизмом) подвергался критике Вильгельмом Дильтеем, Бенедетто Кроче, Генрихом Риккертом, Карлом Ясперсом, Карлом Раймундом Поппером и др., которые ставили под сомнение возможность установления законов развития общества и предсказание его будущего. В современной философии и науке продолжается острая полемика по проблемам историзма, которая может служить предметом самостоятельного научного сочинения.

Матричный анализ мы понимаем как метод исследования социальной реальности, когда прослеживаются социокультурные и социально-психологические взаимосвязи между социальными группами, внутри них, между субъектом и другим субъектом и/или социальной группой. Непосредственным исследовательским приёмом выступает здесь историософское моделирование ментальных матриц как наиболее обобщённой и логически познаваемой субстанциональной характеристики ментальности разноликих социальных групп.

Тем самым, возможно создание ментальных матричных моделей или культурно-психологических моделей в виде

сравнительных таблиц или аналитико-фактологических описаний базисных понятий, в свою очередь, отражающих специфику данной ментальной матрицы.

Описанный методологический базис позволяет выработать авторское понимание ключевых категориальных постулатов настоящего исследования. Социальный эксперимент и историческая ошибка отнюдь не относятся нами к числу так называемых *ultimate concepts*, которые следует писать с большой буквы. Историческая ошибка - это состояние, событие, взгляд, фокус, импульс, сгусток, бросок. В ней не только возможна сама по себе прерывность, но и прерывность социального опыта, явления, события и т. д., прерывность исторического процесса. Она выступает как агент действия, как фактор мыслимой реальности, воздействующей, будоражащей среду. Она способна и может породить огромные рефлексивные турбуленции, если само общество готово их принять, если оно готово в той или иной мере ими воспользоваться. Социальный эксперимент - это процесс, явление, апробация, инициатива, опыт, прорыв повседневности. В нём изначально заложена прерывность, прерывность эволюции и прерывность прежнего миропонимания. Он также неизменно выступает как агент радикального действия, а одновременно и как константа исторического развития, точка отсчёта, критерий познания.

Научная новизна исследования. Диссертация представляет собой многоплановое научное исследование, включающее историко-философские, теоретические и методологические вопросы.

Научная новизна работы определяется итоговыми результатами, которые были получены автором в ходе решения задач, обозначенных выше:

1. На основе ретроспективного анализа философской традиции понимания истории в концептуальную модель исторического процесса вводятся категории "исторической ошибки" и "социального эксперимента". Причём, изначально сама концептуальная модель предусматривает неперемнную прерывистость социального прогресса, выражающуюся в вариативных моментах социальной динамики, обособленных модельных поисках формулы общественного совершенства, в определённых отступлениях, больших и малых возвратах, неверных поворотах, преимущественно связанных с историческими ошибками и социальными

экспериментами. В рамках цивилизационного подхода это выражается в восходяще-платформной тенденции развития, когда человеческое сообщество достигнув определённого уровня существования, какой-то исторической платформы, более активно начинает всё новых форм общественного бытия.

2. Доказано, что человеческое сообщество может совершать, имеет право и совершает ошибочные действия, принимает неверные решения, испытывает глобальные заблуждения, допускает временные исторические забегания, которые все вместе и в отдельности возможно определить как историческую ошибку, поскольку это затрагивает интересы значительной части населения, социальных групп, касается основных общественных институтов. Критерием выступает целеполагание ведущего социального института, политического лидера. Историческая ошибка не является препятствием на пути социального прогресса. Она сопровождает его как неизбежный элемент развития, как вариант освоения новой социальной реальности.

3. Обосновывается возможность автономного (вне исторического контекста) существования исторической ошибки. В то же время она после опредмечивания выступает как часть социальной памяти и как экспонат музея истории. Это суверен, ограниченный своими пределами и не могущий оспаривать империю деятельности, но безусловно на неё влияющий. Суверенность исторической ошибки абсолютна тогда, когда она отрешается от всякого отношения к истории, а поскольку последнее абсолютно невозможно, отсюда относительность самой исторической ошибки. Но вместе с тем, историческая ошибка не может определена как некий симулякр.

4. Утверждается, что историческая ошибка может быть воспринята как трансгрессия смысла исторического события. А суверенная трансгрессия исторического процесса есть редукция этой редукции: не редукция к смыслу исторического события, но редукция смысла артикулированной истории, порождающей целый ряд дихотомий. История как прописанный текст и история как взгляд на социальную реальность. Рабство известного смысла и пробуждение для познания. Письмо низшее и письмо высшее. Артикулированный язык и слово понимания.

5. Фундируется, что человеческое стремление опробовать новые исторические формы существования (политические, идеологические, социально-экономические, культурные, духовно-нравственные) всегда представляет собой определённого вида социальный эксперимент. Глобальность социального эксперимента всегда зависит от масштаба поставленных задач в поиске новых исторических форм существования. Социальный эксперимент сопровождает человеческое сообщество на пути социального прогресса, одним из критериев которого может выступать цивилизационная и/или культурная идентичность.

6. Мир человеческих мифов действительно способен порождать не только литературные образы, произведения искусства, материальные объекты, но и социальную реальность. Заблуждение, выступающее в виде исторической ошибки, создаёт неоценимый социальный опыт, который, равно как и само неверное представление, во многом предопределяет человеческое бытие. Аберрация может выступать генерализующим фактором, признаком, критерием состояния общественной стагнации. Историческая ошибка является одним из естественных состояний социума. Ментальность в обозначенном состоянии представляет позитивный конструирующий элемент социальной реальности, и ментальные матрицы постепенно нанизывают столько различных свойств и неоднозначных характеристик, что бесспорно способны воссоздавать отдельные фрагменты социального целого.

7. Историческая ошибка служит мощным источником распространения позитивной информации в социальной среде. Она служит отправной точкой веры, уверенности, ибо является неверным, недопустимым состоянием. Питать иллюзии вовсе не всегда себе дороже. Отказ от иллюзий в определённый момент выступает позитивным началом, дающим толчок в освоении человеческим сообществом новых исторических форм развития. Хотя, безусловно, трагедия всегда была уделом северных рас. А призрак может вызвать невиданные социальные реформации, которые комфортно созерцать только в иллюзионе.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на публичную защиту, сформулированы в следующих тезисах:

1. Утверждается, что сегодня исторический процесс как социально-философская категория может быть гармонично

представлен только в форумном сочетании с другими объясняющими категориями. Создаваемые в результате научного дискурса несколько трактовок, достаточно отличных друг от друга, несомненно презентуют исторический процесс как нелинейное явление в социальной истории, нуждающееся в понимании. Понимание - это есть мышление, отличающееся от стандартного, формально-логического. Отталкиваясь от этого герменевтического постулата, избранный нами объект исследования оказывается транслируемой идентичностью. Фундируется, что в социально-философском объяснении исторического процесса необходимо пройти все стадии понимания - предпонимания, понимания, интерпретации и объяснения. Это действительно можно сделать при исключительном обновлении категориально-понятийного аппарата, ибо эпигонство непостижимым образом неотвратно достигнет историю и историка.

2. Доказывается, что одними из существенных характеристик исторического процесса выступают социальный эксперимент, историческая ошибка и ментальная матрица, дополняющие друг друга и обеспечивающие полноту социального дискурса. Последний представляется в виде вероятностной конфигурации прошлого, настоящего и будущего, как в их отдельности, так и целостности. В рамках этой конфигурации понимается и истолковывается совокупность трёх состояний, трёх концептуальных построений, трёх вероятностных форм: ментальной матрицы, исторической ошибки и социального эксперимента. В них отражаются и витальные мотивы, и мифопоэтические состояния, и логика фактов, и яркие переживания, и батальные картины событий, и многое другое что составляет целостное понимание исторического процесса. Скажем, можно говорить об исторической модели войны, об исторической модели реформы и т.д. Но, безусловно, главным концептуальным построением, развёртываемым автором перед научной аудиторией, была и остаётся историческая ошибка.

3. В результате представления и анализа категориально-понятийного аппарата делается вывод о том, что современная история постепенно переходит от факта-впечатления, на котором зиждется объективистское понимание истории, к факту-переживанию, и тем самым поставить на первое место целостность

факта, а не его частность. Для методологии истории это даёт новое толкование сравнительно-исторического метода исследований, который оперируя сходствами, доведёнными до сопоставимостей, позволяет выявить факты-деструкции. Саму процедуру получения фактов-деструкций можно назвать деконструкцией. От уровня интерпретации через деконструкцию можно перейти к процедуре объяснения, где уже фигурируют факты-доказательства. Тем самым, историческое мышление, направляясь по этому пути, движется от специфичности к интерпретационной организованности, чтобы в конце концов упереться в мифопоэтический предельный смысл. В итоге происходит столкновение с историческим социотипом как особым фрагментом цивилизационной культуры. В историческом социотипе герменевтически соединяется культурная и историческая информация, позволяющая наиболее полно понять исторический процесс. С этих позиций, историческая ошибка выступает как пралогическая структура, существующая автономно как часть социальной памяти и как экспонат музея истории.

4. Фундируется положение о том, что историческая ошибка подчинена логике сопричастия, когда параллельно в исследуемой социально-философской категории наличествуют несколько сюжетных линий, смысловых эволюций. Она вовсе не укладывается в известный софизм *Post hoc, ergo propter hoc* (после этого, значит, вследствие этого), ибо о ней можно судить как после того, так и до, во время и спустя. Она без всяких затруднений допускает, что одни и те же конкретные исторические ошибки могут в одно и то же время допускаться в двух или нескольких местах. Соответственно можно судить об уровне, масштабе, направленности, артикулированности, поучительности и иных подобных характеристиках исторической ошибки.

5. Утверждается, что традиционно наличествующая историческая замкнутость общественных отношений всегда прерывается потребностью социального обновления. Любое радикальное преобразование выступает, прежде всего, в качестве социального эксперимента. Тем самым, социальный эксперимент неизменно сопровождает человеческое сообщество на пути социального прогресса. Он указывает на пределы существования конкретных общественных форм развития. Субстанциональные характеристики социального эксперимента зависят от области его

применения. Социальный эксперимент выступает антецедентом исторической ошибки, которая, в свою очередь, может быть вторичной причиной социального эксперимента.

6. Делается вывод о том, что социальная история наполнена не просто борьбой разрозненных интересов, но и упирается в обобщённые ценностные табло (идеологические, религиозно-магические, культурно-психологические), многообразные ментальности, отскоком (бриколажем) порождающие различные поведенческие акты. Субъективность истории определяется не только культурой и не столько её нормами и образцами, но и внекультурными средствами, нормами, никак не обозначенными, а заданными только ментально, в мышлении, в воображаемом мире значений и человеческих эталонов. С этой позиции, исторический процесс - это экспликация экспликаций, ибо конкретная история всегда ранее была кем-либо объяснена, а соответственно историческая реконструкция так или иначе связывает эти объяснения в описание исторического процесса, представляющего как глобальная пьеса, одним из действий которой становится историческая ошибка.

7. Ключевым моментом, изначальной ситуацией в концептуальных построениях выступает некое состояние, социальная динамика, исторический событийный срез, которые нуждаются в понимании. Фабула исторической реконструкции реализуется через сюжетные действия историка и истории, являющихся персонажами этих действий. Говоря философским языком, историк оказывается в мире должного, а не в мире сущего, ибо в мире должного находятся подлинные условия существования человека. Идя этим путём, историк сознательно входит в театр истории, вступает в коммуникативное взаимодействие с носителями этой истории как персонажами, учитывая нетождественность умственных операций людей разных времён и культур. Искусство историка состоит в том, чтобы в его деятельности носители определённой культуры опознавали сами себя, достигая этим катарсического эффекта, чтобы конкретная историческая ошибка, представляемая исследователем, выступала источником распространения позитивной информации в социальной среде.

Научно-практическая значимость исследования. Результаты и выводы настоящей работы могут иметь практическое применение при решении ряда философских проблем методологии

исторического исследования, они могут быть использованы при подготовке и чтении учебных курсов по методологии истории и методике исторического исследования, для методологического обеспечения таких учебных дисциплин как социальная философия, социология, политология, социальная психология, история и т.п. Содержание настоящей работы может быть применено при разработке и чтении специальных курсов, проведении спецсеминаров по таким дисциплинам как социальное моделирование, социальное прогнозирование, социология управления, философия и история экономики и менеджмента, методология научного исследования. Представляется возможным применять полученные выводы в работе органов местного самоуправления и органов государственного управления субъектов федерации при разработке планов социального и экономического развития территорий. Они имеют значимость для совершенствования профессиональной и управленческой деятельности должностных лиц муниципальных образований и региональных управленческих структур.

Апробация исследования. Основные идеи, результаты и выводы настоящего диссертационного исследования изложены в 79 публикациях из 239 авторских работ, общим объёмом 81,35 печатных листа, указанных в библиографии автореферата. Концепция диссертации опубликована в юбилейном сборнике к 80-летию Ростовского госуниверситета (1995 г.) и отражена в монографии "Исторический процесс: эксперименты и ошибки". По содержанию диссертационного исследования автором написаны статьи (журналы "Полис", "Социс", "Научная мысль Кавказа" (Ростов н/Д), "Философия права" (Ростов н/Д), сделаны доклады, научные сообщения, представлены тезисы выступлений на 36 международных, Всероссийских, региональных, межвузовских и внутривузовских научных чтениях, симпозиумах и конференциях. В том числе: "Советское общество и судьбы социализма" (Челябинск, 1990 г.), "Творчество и право" (Тюмень, 1990 г.), "Соотношение общей и политической культуры: теоретические и прикладные аспекты" (Комсомольск н/А, 1991 г.), "История Советской России: новые идеи, суждения" (Тюмень, 1991 г.), "Советское общество в зеркале социологии" (Челябинск, 1991 г.), "Молодежь и демократический процесс" (Н. Новгород, 1992 г.), "Проблемы отчуждения в общественном развитии" (Караганда, 1992 г.), "Россия в XIX -

начале XX века" (Ростов н/Д, 1992 г.), "Мифы провинциальной культуры" (Самара, 1992 г.), "Традиционное и новое в культуре народов России" (Саранск, 1992 г.), "Государственное управление: проблемы теории, истории, практики преподавания" (Ростов н/Д, 1993 г.), "Российское общество: осмысление прошлого и настоящего" (Новочеркасск, 1993 г.), "Личность в политической истории Отечества" (Москва, 1993 г.), "Восток. Запад. Россия" (Ростов н/Д, 1993 г.), "Реформы в России: модели и прогнозы" (Ростов н/Д, 1994 г.), "Рациональность и государственное управление" (Ростов н/Д, 1994 г.), "Проблемы высшей школы и гуманизации образования" (Шахты, 1995 г.), "Россия: общество, народы, личность" (Новочеркасск, 1995 г.), "Россия на рубеже XXI века" (Воронеж, 1995 г.), "Российское общество: история и современность" (Новочеркасск, 1996 г.), "Проблемы легитимации власти и социальное управление" (Ростов н/Д, 1996 г.), "Социальные движения: истоки, проблемы, перспективы" (Шахты, 1996 г.), "Политико-административная элита и государственная служба в системе властных отношений" (Ростов н/Д, 1996 г.), "Власть и управление" (Ростов н/Д, 1997 г.), "Цивилизация и человек: проблемы развития" (Новочеркасск, 1997 г.), "Культура России в переломную эпоху" (Санкт-Петербург, 1997 г.), "Лосевские чтения" (Новочеркасск, 1998 г.), "Деструктивные процессы в развитии современной российской культуры" (Воронеж, 1998 г.), "Социальная политика России: история и современность" (Новочеркасск, 1999 г.), "Преподавание отечественной (национальной) истории в вузе: новые подходы, концепции, методы" (Москва, 1999 г.), "Проблемы теории и практики социально-экономических, политических, правовых преобразований на рубеже столетия" (Ставрополь, 2000 г.), "Лосевские чтения" (Новочеркасск, 2000, 2001 гг.).

Объём и структура работы. Содержание рассмотренных проблем и логика исследования определили принципиальную структуру работы, которая состоит из введения, трёх глав, содержащих в целом 10 параграфов (по три-четыре параграфа в каждой главе), и заключения. В конце докторской диссертации приводится список использованной литературы, который включает 625 наименований. Общий объём работы составляет 351 машинописную страницу.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и выбор темы; рассматривается степень её разработанности; ставятся основная цель и задачи; определяются объект и предмет; обозначаются методы исследования; излагается содержание научной новизны, определяются новые подходы в решении поставленных проблем; формулируются основные положения, выносимые на защиту; освещаются научно-теоретическая значимость и возможности научно-практического и прикладного использования результатов; представляются апробация и структура работы.

Первая глава диссертации - "Социальный эксперимент в акте исторического выбора", состоящая из четырёх параграфов, содержит анализ одного из наиболее эффективных и эффективных средств оптимального решения задач общественного развития, непосредственно и активно связанных с исторической ошибкой. Доказывается необходимость исследования социального эксперимента и отмечаются междисциплинарные связи с акмеологией. Диссертант подчёркивает непосредственное отношение социального эксперимента к акту исторического выбора.

В первом параграфе первой главы - "Теоретико-методологические аспекты в осмыслении понятия "социальный эксперимент" - анализируются многоплановость и цели, связь социального эксперимента с устремлениями человеческого сообщества в достижении идеала, в том числе идеала демократии. Социальный эксперимент трактуется как одна категорий научного познания, ставящая и позволяющая представить историю как естественный объект философствования, как глубинное содержание мышления философствующего. Он выступает одной из вероятных объяснительных схем, одной из приемлемых интерпретаций исторического процесса. В параграфе даётся краткий обзор традиций научного анализа проблемы, отмечаются три всплеска исследовательского интереса к социальному эксперименту в литературе. Формулируется его рабочая дефиниция.

Под социальным экспериментом в жизнедеятельности человеческого сообщества следует понимать целенаправленную инициативу и специально заданное обеспечение в проверке опытным путём научно обоснованной перспективной модели развития в различных областях общественной жизни. С точки

зрения политической, эксперимент наиболее значим (точнее, его результаты) для системы социального управления, для политической элиты общества. С точки зрения философа, социальный эксперимент - это фактическое превращение мыслимой реальности из мнимой во вполне осязаемую, это своеобразная тестовая проверка состоятельности интеллектуальной элиты, потенциальных возможностей её участия в социальном прогнозировании. С точки зрения исследователя, социальный эксперимент соответственно становится одной из объяснительных схем исторического процесса, структурирующим элементом в научной интерпретации исторических событий, в том числе исторических ошибок.

Социальный эксперимент, равно как и историческая ошибка, никогда не переставая быть убедительным фактом и значимым фактором общественного сознания неудержимо прогрессирующего человечества, одновременно фигурирует в качестве совершенно особой структуры эмпирического сознания. В работе показан процесс интериоризации социального эксперимента, его неизбежного перехода, проникновения из глобального мира социальных объективаций в локальный мир индивидуального сознания. Социальный эксперимент (также как и историческая ошибка) неминуемо проживается в индивидуальном сознании, интерпретируется и становится фактом социальной памяти. Наверное, прав историк В.О. Ключевский, считая, что "в душе человеческой есть дивное спасительное свойство реакционной экспансивности. Достигнув высшей степени напряжения, сузившись до крайности и здесь натолкнувшись на препятствие, не пускающее дальше, душа необъятно расширяется в прошедшее".

Во втором параграфе первой главы - "Индивидуальное время социального эксперимента" - рассматриваются параметры осуществления социального эксперимента, в том числе уровни реализации, масштаб, векторы и сферы направленности, имманентная целесообразность, значимость лидерства, извлекаемые (в том числе исторические) уроки, которые могут быть оценены с точки зрения экономической эффективности. В качестве примера называется социокультурный эксперимент по возрождению казачества в современной России.

Отмечается важность фазы мысленного эксперимента как социокультурного явления, имеющего внутреннее и внешнее пространство. Фиксируются три уровня масштабности восприятия

социального эксперимента: 1) личностный, или индивидуальный; 2) межличностный, или локальный; 3) социумный, или метасоциальный. Рассматриваются вопросы о соотношении морали и политики, о применении насилия как средства решения проблем общественного развития, о персональной и/или коллективной ответственности за некомпетентное вмешательство в дела сообщества. Человек с его многообразными социально-психологическими реакциями определяется основной объект применения социального эксперимента. Диссертант ставит проблему правового регулирования социального эксперимента, что предполагает внесение изменений в действующее российское законодательство.

Необходимость использования метода социального эксперимента в процессе реформирования общества настоятельно диктуется, *во-первых*, объективно существующими сегодня границами познавательных теоретических, в том числе современных и весьма совершенных компьютерных методов изучения социальных явлений, позволяющих довольно плодотворно создать и прожить на экране монитора виртуальную реальность; *во-вторых*, естественной задачей развития общественных отношений с помощью внедрения перспективных идей в наиболее короткие сроки и по возможности с минимальными издержками; *в-третьих*, его свойствами, как наиболее целесообразной и окончательной формы проверки научно-практических рекомендаций социогуманитарных наук, ибо именно они в современных условиях реально обеспечивают прочный научный фундамент функционирования сферы социального управления. Так, ныне актуальны для России региональные системы экономической безопасности, которые способны подготовить коллективы учёных-гуманитариев. *В-четвертых*, он обеспечивает научное изучение передового опыта. Например, в современных условиях можно говорить о совершенствовании моделей местного самоуправления в России, и в частности системы атаманского правления в сельских районах Ростовской области, с последующим принятием модельных законов субъекта федерации.

В социокультурном метаполе социального эксперимента появляется историческая ошибка как некий феномен несоответствия. С этой точки зрения социальный эксперимент представляет собой попытку найти такое соответствие с помощью развития коммуникативных связей культуры.

В третьем параграфе первой главы - "Социальный эксперимент в условиях трансформации социальных институтов и нормативно-ценностных установок" - рассматривается советская и российская практика социального эксперимента, которая исторически сформировала целый ряд стереотипов: стереотип о самодовлеющей роли материально-производственной базы, стереотип о жёстко устоявшейся социальной стратификации (два дружественных класса и преданная им прослойка), стереотип о пагубности использования в экономических преобразованиях товарно-денежных отношений, об автоматизме действия принимаемых решений и др. Названные стереотипы актуализируют задачу предварительного проведения обстоятельной научной экспертизы принципиальных решений в сфере социального управления для верификации социального эксперимента. Исторические ошибки здесь связаны с нарушением масштаба, с унификацией и упрощением процесса преобразований, с нарушением соответствия изначальной задумки объекту своего последующего применения, с переносом развивающей идеи из одной области в другую сферу общественной жизни, с увлечением одной, пусть даже очень перспективной, идеей. К числу подобных идей вполне можно отнести: идею ничем не ограниченного национального суверенитета, "главкизм" форм хозяйствования и управления в экономическом развитии (например, чистый монетаризм западно-европейского образца правительства Е.Т. Гайдара, всеобщее упование на российского фермера и др.). В истории России также особо следует выделить своеобразную традицию ригористичного навязывания "сверху" условий, сроков и порядка организации социального эксперимента. В современной литературе даже появился в этой связи термин "вынужденное реформаторство". Немаловажное значение также всегда имели и определённым образом ориентированные личностные ассоциации, поэтому не случайно большинство российских монархов имели собственные прозвища (Владимир Красно Солнышко, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Екатерина II - мать Отечества, Александр I Благословенный, Александр II Освободитель и т.д.). Существенным итогом экспериментирования в России традиционно становилось усиление определённых властных структур. Исторически для России характерна своеобразная смена правящих элит, которая крайне далека от цивилизованных норм. Так, у нас не сложился институт

политической опалы. Недаром на Западе получила довольно широкое распространение злая и горькая для россиян шутка: "Россия - это единственная страна с непредсказуемым прошлым". Последнее обстоятельство убеждает в наличии вполне определённой социокультурной динамики исторических процессов в России, основу которых составляют массовые, как циклические, так и линейные сдвиги в культуре. Они развиваются, как справедливо подметил А.С. Ахиезер, в типичной логике категории "социальная инверсия".

Выделяются ряд российских традиций в отношении к общественным реформациям: своеобразный поиск виноватых; несвоевременный отказ от осуществления уже начатого социального эксперимента в случае его неудачного протекания; недостаточное внимание к социальным проблемам; гиперболизация материального стимула; идеологизированность преобразований; формирование специальных бюрократических структур. Определяются причины, мешающих относительно бесконфликтному и достаточно успешному внедрению необходимых инноваций в широкую практику.

В четвёртом параграфе первой главы - "Процессуальная модель эксперимента и интерпретации социальной реальности" - диссертант формулирует принципы и этапы осуществления социального эксперимента, представляет варианты истолкования конкретных общественных преобразований с использованием исторических аналогий, например, событий второй половины 80-х - 90-х годов в России.

Принципы социального эксперимента: расчёт конструкта на социально-мобильную часть общества; активный выбор нового социального института; наличие продуманного организационно-управленческого плана; разумная гласность и конструктивный анализ; осмотрительность. Этапы общественных преобразований (мыслительные конструкты): *прогностический* (гипотеза, прогностическая модель), *подготовительный* (программы, поиск эвентуальных ошибок, социальных технологий, учёт эффекта внушаемости метасоциальных общностей; использование системы управления кризисными ситуациями ("public relations"), основ теории инновационного процесса), *эмпирический* (наблюдение и контроль, поиск новых, более приемлемых вариантов использования первоначальной модели, социальный менеджмент, использование достижений акмеологии) и

аналитический (общие итоги осуществления социального эксперимента; факторный анализ проведённых преобразований; познавательные итоги и практические рекомендации).

Вторая глава диссертации - "Культурно-историческое пространство исторической ошибки", состоящая из трёх параграфов, содержит анализ базовой категории диссертационного исследования - исторической ошибки, которая выступает в качестве камня преткновения и условия активизации социальной рефлексии исторического процесса. Эта данность имеет имманентно присущий интеллектуальный смысл и свою социокультурную соразмерность, детерминируя деятельность, выбор ценностей, осознание значения человеческого бытия.

Учёные утверждают, что на основе анализа снимков коры головного мозга, полученных при помощи сканирования, они точно могут сказать, когда человек лжёт, а когда говорит правду, сообщает журнал "Таймс". Результаты исследования, проведённого в университете штата Пенсильвания, показали, что когда человек лукавит, то в коре головного мозга всегда активизируются одни и те же участки, ответственные за процесс концентрации и фиксирования ошибок²⁰.

В первом параграфе второй главы - "Историческая ошибка как ментальная конструкция и онтологическая реальность" - анализируются историко-этимологические и социокультурные корни новой научной категории. Логически образуются две смысловые цепи. Одна: имя, символ, знак, определение - интерпретация. Вторая: положение, ситуация, соотношение, возможность, способность - социальная реальность. Тем самым, историческая ошибка - это иная данность в человеческом сообществе по отношению к принятой системе координат (цели).

Историческая ошибка выступает как многоликая субъективная реальность. Отсюда в обратной перспективе следует, что историческая ошибка - это результат сложения и реализации человеческих качеств. Например, непрофессионализма, недооценки партикулярной культуры, фаллического культа, просчёта общественно-политических деятелей и др. Таким образом, историческая ошибка - это человеческое измерение прерывистости исторического процесса, обобщённое личностное воплощение и воплощение в конкретной личности в присутствии третьего - "нададресата".

²⁰ Комсомольская правда. 2001. 16 ноября.

Ментальные характеристики исторической ошибки связаны в том числе и с *биосоциокультурным генотипом*, под которым автор понимает устойчивую совокупность социальных реакций индивидов, передающихся на психическом уровне (гештальты) и посредством социальной памяти данной общности (архетипы). Познание ошибок есть и чисто русское явление в истории, ибо именно русская история наиболее полна зигзагов и поворотов в движении по тернистому пути исторического прогресса. Явление нового смысла настолько типично для российского летописания, что исследование ошибок истории приобретает характер познания мифологем, господствовавших в истории России и в российском обществе и выраженных великим русским языком с его парадоксальной эволюцией смысловых значений слов, иначе говоря, интервенцией смысла.

Историческая ошибка в контексте исторического процесса истолковывается через две онтологические конструкции: мир сущего и мир должного. Исторический процесс открывает и два других мира: мир ложного и мир истинного. Ошибка в данном случае выступает как своеобразный способ объяснения, некая объяснительная схема, ещё одна возможность трактовки, новый вариант интерпретации, реализуя одну из сущностных функций исторической науки - функцию социальной памяти.

При исследовании исторической ошибки диссертант показывает всю её многоликость: как относительной истины; как нереализованной власти или неверно осуществлённой власти; как недооценку влияния социокультурных факторов на функционирование социальной организации; как социальный конфликт (война, революция, путч и т.п.); как разрешение имманентных противоречий социума; как мыслимую реальность с учётом естественной разницы оценок во времени; как историческое повторение пройденного; как компромисс между слабо совместимыми историческими реагентами и др.

Во втором параграфе второй главы - "Модельная матрица и действительная логика исторической ошибки" - рассматривается мысле-образ и артефакт исторической ошибки как оценочной историософской категории. Он связан с выявлением цели через результат, с установлением системы табу ("фигуры умолчания", "периоды забвения", "навязывание имени"), с условностью и относительностью оценок, с трагичностью фактов и событий, т.е. с многогранностью исторического процесса. Стало

быть, историческая ошибка - сгусток, концентрация и комплекс социальных действий, взглядов и мировоззренческих установок, взятых в их предельных обобщениях, определяющих среди прочих социальную ориентацию человека и данного сообщества. Она множественна и конкретна. Она располагается между утопией и мифом, и для неё является ключевым "основной вопрос" мифологии, кантовский вопрос: "На что я могу надеяться?" Она практически неисправима, или же это будет другая история. Аксиологически историческая ошибка связана с моментом поиска истины, идеального социумного порядка в прошлом настоящем и будущем. Познание же всегда есть выбор, предпочтение и оценка, то есть нечто будет непременно признаваться ошибочным. Образцами для научного анализа исторической ошибки также являются культурные архетипы.

Приводится теоретическая манифестация видов, антиномий и парадоксов (идея двоичности исторического явления: "образы близнецов", "образ зеркала", ассоциации и др.) исторической ошибки, показывается её связь с "третьей действительностью", с некоторыми терминологическими штампами ("фашистская Германия", "советская эпоха" и др.), с фанатизмом, с ролью личности в истории, с нравственностью, с геополитическим положением этноса, с системой мотиваций и экспектаций (соответственно с социально-психологическими типами личности). Признание исторической ошибки сопровождается для данного сообщества ритуалом отречения.

Главная функция, прямое назначение исторической ошибки в плане знаковой репрезентации состоит в удовлетворении основным отражательным и мыслительным процессам, в опосредованном и абстрагированном представлении мыслительного содержания, исторически закрепляющемся в виде общего для членов данной социальной общности значения, и на этой основе обеспечения коммуникации, накопления социального опыта и обогащения культуры.

Историческая ошибка рассматривается в мире "Я", где корневой основой является старая дилемма "иметь или быть?". При этом сфера "мне нужно" должна оставаться незаполненной. Здесь сущность человека выступает как историко-культурное явление, формы которого проживаемы и возвращаемы в исторической перспективе. Так формируются и исчезают историзмы ("купец", "челнок", "кооператор" и др.). Однако была и остаётся элита как

господствующий тип человека, которая разрешает проблему стандарта (критерия в определении исторической ошибки) и обуславливает представительное лицо общества. Вторая группа стандартов порождается отдельными качествами человека. Третья - связана с осознанным выбором человеком средств массовой коммуникации. Стало быть, историческая ошибка в общественном сознании служит задачам символического выражения антиаксиологических идей, не закрепившихся в данной социальной общности.

Модель исторической ошибки выглядит следующим образом.

Первая, предварительная фаза. *Первая подфаза* - состояние метаболизма: а) динамическое равновесие; б) обмен веществом, энергией и информацией как атрибуты сохранения устойчивости системы; в) изменение внешней среды и внутренних условий равновесия; г) сигналы-информация социальной системы об изменениях; д) гомеостаз - показатель изменения равновесия в данной социальной системе; е) субъективация информации об объекте. *Вторая подфаза* - предошибочное состояние: а) активизация субъекта; б) онтологический этап; в) аксиологический этап; г) коррекция традиционных поведенческих реакций.

Вторая, исполнительно-когнитивная фаза. *Третья подфаза* - функциональное состояние ошибки: а) активность; б) непосредственная деятельность. *Четвертая подфаза* - постаксиологическое состояние: а) признание факта, осознание совершённой ошибки; б) формулировка выводов и оценок; в) подготовка программы для новой деятельности.

В классической ситуации исторической ошибки действуют три композиционных элемента: *объект, субъект* и их медиатор - *знак*. Историческая ошибка является образом высшего порядка и может классифицироваться не иначе как категория, представляющая собой символ множества зафиксированных с его помощью объектов. Однако при всей запутанности исторических коллизий, как и неизменных попыток их познания, за человеком всегда остаётся момент выбора или момент бифуркации. Следовательно, историческая ошибка представляет собой пик флуктуации, после чего изменяется само направление движения. Историческую ошибку можно рассматривать, используя идею герменевтического круга, логика которого заключается в постоянной смене звеньев: *нет - да - нет*. Каждое из них несёт в себе определённую ситуацию и соответствующий анализ.

Соединительным элементом между ними выступает сама историческая ошибка.

В третьем параграфе второй главы - "Проблема истинности и социально-исторические контексты исторической ошибки" - подчёркивается, что историческая ошибка формирует смысловую почву данной культуры, проявляет глубину аксиологического опыта, служит обозначением социальных мифов.

Историческая ошибка неизбежно приводит и к ретроспективной двойственности субъекта: $S_1 \Leftrightarrow O \Leftrightarrow S_2$, когда S_1 и S_2 суть один и тот же субъект. S_1 в процессе совершения ошибки взаимодействует с ней как средой существования. В результате рождается S_2 , который уже обогащён накопленным опытом, но в мысле-образах он постоянно возвращается к анализу совершённой исторической ошибки. Возникают и два "Я", выраженные в подобном же отношении: $Я_1 \Leftrightarrow O \Leftrightarrow Я_2$.

Для исследования исторической ошибки императивно необходимы: идеализации исторических фактов, определение критериев исторического прогресса, выяснение исторической правды, установление степени метаболизма общественной системы, использование социобиологических конструкций, понимание возможностей социокультурного заимствования и комплементарности культур. Продуктивны следующие исследовательские подходы: *генетический* (рассмотрение процесса происхождения, образования и развития данной исторической ошибки, а также проблем, связанных с её внутренней сущностью и значимостью в человеческой практике); *функциональный* (анализ преимущественных сфер проявления, влияния исторической ошибки); *морфологический* (учитывающий внешний вид и строение данного исторического явления); *структурный* (предусматривающий изучение взаиморасположения и связей составных частей категории исторической ошибки); *атрибутивный* (исследование имманентно присущих признаков проявления ошибки в исторической практике); *моделирующий* (построение неких логических схем научного поиска, познания исторической ошибки) и др.

Культурно-историческое пространство исторической ошибки включает три компонента: 1) *познавательный*, когда человек более глубоко узнаёт проживаемую им историческую реальность

в составе некоей общности, когда он тщательно осмысливает историческую ошибку в качестве своеобразного узлового пункта своего бытия; 2) *прагматический*, когда человек упорно ищет пути преодоления исторической ошибки, новые способы своего отношения к действительности; 3) *текстуальный*, или описательный, когда профессионально описывается социогенез исторической ошибки, характер её познания, степень адекватности сделанных выводов, взаимосвязи состоявшегося факта с другими событиями в историческом процессе, создавая тем самым иерархически связанную динамическую равновесность исторического повествования. Тем самым, историческая ошибка выполняет такие функции: информационную, коммуникативную, социальной памяти, конструктивную, интеллектуально-познавательную, ускорителя, или замедлителя исторического процесса.

Третья глава диссертации - "Историческая ошибка и ориентиры российской ментальности", состоящая из трёх параграфов, демонстрирует модельно-динамический и аксиологически-знаковый подход к пониманию ментальности. Она содержит анализ ментальных структур и их социального бриколажа, позволяющих осмыслить человеческое измерение исторической ошибки, обозначить её социокультурное поле. Тем самым, увеличивается число мыслительных конструктов, открывающих дополнительные научные горизонты для авторской интерпретации исторического процесса с использованием исследуемой категории исторической ошибки.

В первом параграфе третьей главы - "Российский менталитет: категория, структура, архетипы" - анализируются базовые основания ментальной конструкции, позволяющей представить социокультурный портрет российского общества. Приводятся различные точки зрения на содержание и структуру понятия ментальности и на этом фоне даётся авторский взгляд на структуру менталитета.

В предлагаемой структуре менталитета выделяются пять слоёв: партикулярная культура (один из архетипов - фаллический культ); духовная самость ("экологическая оболочка", религиозно-философская мифология); социальный отклик (реакция людей на функциональные социальные образования - политику, власть, государство); метасоциальный (национальная идея); функциональный слой (состояние социальных каналов коммуникации). Соответственно обозначаются пять базовых архетипов российской ментальности. Вводится понятие

транспериферийности, под которой понимается почти автономное административно-территориальное образование, имеющее культурно-исторические, экономические, социально-политические особенности и устойчивые традиции относительно самостоятельного развития. Рассматриваются проблемы усвоения инокультурного социального опыта и определения приоритетов в процессе общественных преобразований. Предлагается трактовка социальных звёзд, центров социокультурного притяжения и их взаимодействия с Россией.

Во втором параграфе третьей главы - "Проявления российской ментальности и историческое время" - рассматривается смена социумно образующих общностей в российском обществе, имеющих свой ментальный план. Россия исторически пошла здесь как бы обратной дорогой: от родовой (княжеско-боярской) корпорации к государственно-служилому дворянству с его колоссальным стремлением к атрибутам культуры, что породило другой российский феномен – интеллигенцию, ставшую символом высокой духовности, культурно-историческим знаком гениальных достижений ума и таланта. Однако именно интеллигенция породила политического человека, пиком развития которого стал генезис советско-партийной номенклатуры. Вот здесь и возникает проблема антипода для социальной структуры российского общества, каким стал экономический человек, но в России - это "новый русский". Все эти социально-исторические типы объединяет качество иерархической организованности, позволяющее им утверждаться в российском обществе.

Формулируется понятие исторического заблуждения как несоответствия субъективных представлений (мнений, верований и т.п.) человека объективному положению вещей. Различаются два основных вида заблуждений – ошибка рациональная и ошибка иррациональная (догматическая). Диссертант выводит ещё один генерализующий конструкт: духовное поражение есть следствие исторической ошибки. Немаловажное значение здесь принадлежит иллюзиям. В текущей политике это вполне может привести к диктатуре. Кроме того, анализируются ещё целый ряд черт российской ментальности: противостояние власти, вера, воля (воля дарованная?!), импровизация, агрессивность, энтузиазм, коллективизм, патриотизм и др. Ставится проблема "двойного прошлого" для России, например, монархистского (имперского, дореволюционного, великого и т.д.) и советского (тоталитарного, социалистического, самого справедливого и т.д.).

Российская ментальность отчётливо выражается в присущем стиле жизни. Он избирается человеком порой в мучительных душевных поисках, глубина которых прямо и/или обратно пропорционально зависит от уровня полученного образования, семейного быта и мироощущения родителей, а также состояния региональной культуры. Формы социальных реакций отличаются особой экспрессивностью: диапазон колеблется от стихотворной рифмы до бесцельной пальбы из автомата Калашникова. Манера поведения россиянина в значительной мере прогнозируется в рамках темы: "Что люди скажут", современная интерпретация которой выглядит так: "Смотрите, я какой(ая)!".

На основе социально-философского анализа исторического процесса утверждается наличие в исторической и нынешней социальной реальности довольно определённых *матричных моделей в российской ментальности* - "структуры духа". Например, в качестве одной из значимых матричных моделей российского менталитета можно рассматривать российское имперское мышление. Речь идёт о балансово-нормативных моделях в виде социогенных матриц, отражающих соотношение исторической реальности и результатов её осмысления, базисные системы восприятия, способы взаимодействия с социальными институтами, место в ценностной иерархии и социальных структурах. Эти модели всегда имеют образно-проблемное выражение, скажем, быть или не быть халдеем?! (сравни: Василий Блаженный - Соловей Разбойник). Делается вывод об исторической ошибке как обратной перспективе ментальности. Но главное, чтобы миф о светлом будущем не превратился в миф о светлом прошлом.

В третьем параграфе третьей главы - "Демократия, ментальность и исторический процесс" рассматривается формирование демократических основ российского общества в плане сложившихся концепций демократии с учётом того, что гармония никогда не относилась к числу характерных особенностей, присущих российскому менталитету. Значительное внимание при этом уделяется русской философской традиции (М.Я. Острогорский, П.И. Новгородцев, И.А. Сорокин, И.А. Ильин). Анализируются современные подходы к демократии (А.А. Зиновьева, коммунистов-державников и коммунистов-ортодоксов, В.Н. Сагатовского и др.) через определение перспектив развития российского общества, высказывается авторское отношение к русской идее. При всей поляризации существующих точек зрения,

ни у кого идея сильной России сама по себе не вызывает неприятия. Но она не позволяет найти ответов на вопросы: "А что это такое? Как этого достигнуть?" Ключ к решению проблемы, как и в былые времена истории, должна взять в руки российская элита, которая концентрирует сегодня в себе критическую массу интеллектуального продукта, в том числе достижения современной медиологии. В рассматриваемом контексте мы предлагаем трактовать историческую ошибку как некую социумную границу.

В сознательном выборе исторического пути следует обязательно предусмотреть анализ неизбежных рациональных ошибок (ошибки формализации, ошибки логического вывода и ошибки интерпретации). Появление вышеназванного класса исторических ошибок имеет два онтологических основания. Если следовать формальной логике, то одни ошибки (паралогизмы) совершаются не преднамеренно, а другие (софизмы) делаются умышленно, преднамеренно. Причём, логические ошибки в историческом анализе следует отличать от ошибок предметных, которые являются искажением в мыслях отношений между предметами объективного мира. К числу предметных ошибок со времён Аристотеля относят ошибки такого, например, рода: ошибка случайности, обратная ошибка случайности, несоответствующее заключение, ложная причина, ошибка многих вопросов и т.д. Если логические ошибки в историческом летописании, как правило, могут быть найдены и исправлены без знания предмета, о котором идёт речь, то предметные ошибки могут быть замечены и исправлены только тем, кто знаком с самим предметом, с конкретным историческим событием.

Изучение архетипов и ориентиров российской ментальности открывает нам ещё одну сферу существования исторической ошибки, связанную с воздействием ментального пласта на саму историческую науку. Во-первых, мы имеем в виду естественную ошибку историка в восприятии исторической реальности, который при всём стремлении к объективности летописания неизбежно попадает под влияние господствующих или имеющих место быть настроений в общественном сознании, порой захватывающих российских учёных до такой степени, что они отказываются от научной карьеры (например, П.Н. Милюков). Во-вторых, под воздействием ментальных подвижек неотвратимо возникает такой феномен как ошибочность принципов самой науки, который едва

заметен на фоне царящих в обществе умонастроений, но который приводит к ошибочному толкованию целых исторических эпох, скажем, петровских преобразований или суровых времён Ивана Грозного в советской историографии. В-третьих, появление исторических ошибок возможно в результате ошибочности понимания сути науки в целом (политизация, идеологизация и т.п.).

Примечательно, что В.И. Вернадский определил историю как способ бытия человека, интерес к истории как интерес к исследованию человеческого времени. Этот интерес не случаен, а закономерен, как закономерен в ходе времени процесс, сформировавший человека разумного. Интерес к истории, который выступает в эмоциональной и рациональной формах, можно считать характерной чертой исторического познания социальной реальности, которая порождает историческую ошибку.

Таким образом, корреляционно-функциональные возможности исторической ошибки обусловлены следующими факторами: а) принятой в данном случае общей концепцией исторического процесса; б) состоянием субъекта отражения исторической ошибки; в) ситуационным положением предмета отражения конкретной её формы.

В ментальном плане существуют два уровня понимания категории исторической ошибки (обыденный и теоретический), на которых неизбежно происходит встреча человека с историей как социальным знанием. Обыденный уровень понимания исторической ошибки есть продукт эмпирического познания. Он во многом складывается на основе эмоционально-чувственного, образного, интуитивного восприятия фактов "исторических коллизий" и исторического прошлого в целом. Переход от обыденного уровня к теоретическому уровню осознания людьми исторических фактов, исторического прошлого и исторического настоящего, раскрывающих существо исторической ошибки, предполагает наличие качественного перелома, связанного с выработкой особого взгляда на историю и исторический процесс, а также возникновение специализированных философских, исторических, социокультурных методов анализа.

В Заключении диссертационной работы подводятся итоги исследования, делаются выводы и обобщения, намечаются перспективные направления дальнейшей разработки темы.

Основное содержание настоящего диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

1. Исторический процесс: эксперименты и ошибки. Монография. / Новочерк. гос. техн. ун-т. - Новочеркасск: Изд-во Новочерк. гос. техн. ун-та "Набла", 1998. - 156 с. 10,0 п.л.

2. Культурно-историческое пространство исторической ошибки // Проблемы. Поиски. Решения: Концепции докторских диссертаций / К 80-летию РГУ. - Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1995. - С.29-37. 0,6 п.л.

3. Рынок и социальные экспектации горожан. - Новочеркасск: НПИ, 1992. - 152 с. 9,5 п.л. (в соавторстве с Лукичёвым П.Н.). *(Монография)*.

4. Казачий Дон: Очерки истории. Ч.1. /Под. ред. А.П. Скорика. - Ростов н/Д: Изд-во Ростовского облИУУ, 1995. - 192 с. 11,16 п.л. *(Учебник)*.

5. Казачий Дон: Очерки истории. Ч.П. /Под. ред. А.П. Скорика. - Ростов н/Д: Изд-во Ростовского облИУУ, 1995. - 208 с. 12,09 п.л. *(Учебник)*.

6. Начало демократического обновления советского общества. Вступление человечества в эпоху научно-технической революции (1953 - 1970 гг.). // Политическая история советского общества: Методика вузовского курса лекций по темам 5-9. / Новочерк. инж. - мелиорат. ин-т. Новочерк. политехн. ин-т. - Новочеркасск, 1990. - Ч.2. - С. 108-149. 2,5 п.л. (в соавторстве с Попенковым Н.А.). *(Учебное пособие)*.

7. Рекомендации к изучению курса "Политология". - Новочеркасск: НПИ, 1991. Ч.1. - 32 с. 2,0 п.л. (В соавторстве с Щербаковой Л.И.). *(Учебное пособие)*.

8. Россия и мир в XIX веке: Учебное пособие / Южно-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ). - Новочеркасск, 2000. - 71 с. 4,4 п.л. (в соавторстве Белоусовой Н.И., Будановым О.Ф., Здотом К.В., Кравченко В.Я., Цветовым Б.П., Чапеком В.Н.). *(Учебное пособие)*.

9. Молодёжь города Новочеркасска: Материалы социологического исследования. Статистические данные. - Новочеркасск: НПИ, 1991. - 110 с. (в соавторстве с Щербаковой Л.И.). *(Брошюра)*.

10. Устав города Новочеркасска. - Новочеркасск, 1996. - 64 с. 4,0 п.л. (в соавторстве с Аверченко В.А., Кетовым А.А., Лукичёвым П.Н., Присяжнюком Н.И.). *(Брошюра)*.

11. Кадет-провинциал (Историко-политический эскиз) // Полис (Политические исследования). - 1993. - № 5. - С. 148-150. 0,44 п.л. (в соавторстве с Панковой-Козочкиной Т.В.). *(Статья)*.

12. Казачество: историко-психологический портрет // Возрождение казачества: история и современность: Материалы к V Всерос. (Международ.) науч. конф.: Сб. науч. ст. - Новочеркасск: НГТУ, 1994. - С. 31-55. 1,5 п.л. (в соавторстве с Лукичёвым П.Н.). *(Статья)*.

13. Казачье возрождение: образы, этапы, перспективы // Возрождение казачества: история и современность: Материалы к V Всерос. (Международ.) науч. конф.: Сб. науч. ст. - Новочеркасск: НГТУ, 1994. - С. 123-127. 0,3 п.л. *(Статья)*.

14. Фаллический культ: соционисторический анализ // Социс (Социологические исследования). - 1994. - № 12. - С.80-88. 1,0 п.л. (в соавторстве с Лукичёвым П.Н.). *(Статья)*.

15. Квазигосударственность // Полис (Политические исследования). - 1994. - № 5. - С.139-142. 0,42 п.л. (в соавторстве с Лукичёвым П.Н.). *(Статья)*.

16. Поведенческая типология студенческой группы // Социс (Социологические исследования). - 1995. - № 7. - С.109-115. 0,75 п.л. (в соавторстве с Лукичёвым П.Н.). *(Статья)*.

17. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис (Политические исследования). - 1995. - № 4. - С.69-76. 0,82 п.л. (в соавторстве с Мостовой И.В.). *(Статья)*.

18. Социально-психологический феномен казачества // Свободная мысль. - 1995. - № 8. - С. - 42-51. 0,9 п.л. (в соавторстве с Лукичёвым П.Н.). *(Статья)*.

19. Донская казачья субкультура как историческое явление // Научная мысль Кавказа (г. Ростов н/Д). - 1995. - № 4. - С.73-77. 0,7 п.л. *(Статья)*.

20. Исторический социотип донской казачьей субкультуры // Цивилизации и культуры: Научный альманах; Вып.3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. - М.: Изд-во Института востоковедения РАН, 1996. - С.226-250. 1,6 п.л. (в соавторстве с Давидовичем В.Е.). *(Статья)*.

21. Социокультурные универсалии ЭСМИ // Цивилизация и человек: проблемы развития. Материалы 3-й науч. теор. конф./ ФГиСЭО Новочерк. гос. техн. ун-та, г. Новочеркасск, 20-21 апреля 1997г. - Ростов н/Д: Изд-во "Пегас", 1997. - С. 77-82. 0,4 п.л. (в соавторстве с Никитиной О.Л.). *(Статья)*.

22. Гуманитарные научные концепты в ментальных пластах студенческой аудитории // Новые образовательные технологии: Сб. науч. ст. по проблемам высш. шк. / Под ред. С.И. Дурова; Новочерк. гос. техн. ун-т. - Новочеркасск: НГТУ, 1998. - С. 152-156. 0,3 п.л. (в соавторстве с Панковой-Козочкиной Т.В.). *(Статья)*.

23. В чём проявляется региональный корпоративизм в современной России? // Политология в вопросах и ответах: Учеб. пос. для вузов / Под ред. проф. Ю.Г. Волкова. - М.: Гардарики, 1999. - С. 211-214. 0,2 п.л. *(Статья)*.

24. Ролей социальных типы; Поведение ролевое; Конфликт ролевой // Социология: Краткий тематический словарь / Под общ. ред. проф. Ю.Г. Волкова. - Ростов н/Д: Изд-во "Феникс", 2001. - С.162-166. 0,2 п.л. *(Статья)*.

25. Право и процесс (опыт теоретического эссе) // Философия права (Ростов н/Д). - 2001. - №1. - С. 20-23. 0,5 п.л. (в соавторстве с Костюченко И.Г.). *(Статья)*.

26. Проблемы эволюции советского общества (политический аспект) // Наследие В.И. Ленина и новое видение социализма: Тезисы докл. науч.-теор. конф. (12-13 апреля 1990 г.) / ИПК при Рост. гос. ун-те. - Ростов н/Д, 1990. - Вып.1. - С. 76-78. 0,22 п.л. *(Тезисы)*.

27. Генерализующие основания и правовые гарантии научного творчества // Творчество и право: Тезисы докл. респ. науч.-практ. конф. (ноябрь 1990 г.). - Тюмень, 1990. - С. 206-210. 0,25 п.л. *(Тезисы)*.

28. Культурно-ценностные основы в социально-политическом конфликте // Соотношение общей и политической культуры: теоретические и прикладные аспекты: Тезисы докл. респ. науч. конф. (28-29 мая 1991 г.) / Комсомольск. н/А гос. пед. ин-т. - Комсомольск н/А, 1991. - С. 19-20. 0,13 п.л. (в соавторстве с Красовой Е.Ю.). *(Тезисы)*.

29. Принцип полиморфизма и его экстраполяция на период "культы личности" в истории Советского Союза // История Советской России: новые идеи, суждения: Тезисы докл. и сообщ. респ. науч. конф. - Тюмень, 1991. - Ч.2. - С. 129 - 131. 0,16 п.л. *(Тезисы)*.

30. Разработка генерализующих оснований молодежной политики // Советское общество в зеркале социологии: Тезисы докл. и выступл. республ. науч.-теор. конф. "Советское общество: прошлое, настоящее, будущее". - Челябинск, 1991. - Ч.IV. - С.81-84. 0,25 п.л. *(Тезисы)*.

31. Проблема современной политической оценки Октябрьской революции // Великий Октябрь. Политическис партии России и СССР. Социалистические преобразования в стране: Тезисы докл. и выступл. на Всесоюз. науч. конф. (г.Суздаль, 23-26 сентября 1991 г.) / Владимирск. гос. пед. ин-т. - Владимир, 1991. - Ч. I. - С. 154-156. 0,2 п.л. *(Тезисы)*.

32. Демократические процессы и социальные экспектации молодежи // Молодежь и демократический процесс: Материалы Всерос. науч.- метод. конф. (январь 1992 г.) / Нижегородск. гос. ун-т. - Н.Новгород, 1992. - С. 44-46. 0,2 п.л. (в соавторстве с Лукичёвым П.Н.). *(Тезисы)*.

33. Бюрократическое отчуждение и общественное устройство // Проблемы отчуждения в общественном развитии: Материалы респ. науч.- теор. конф. - Караганда, 1992. - С. 41-43. 0,2 п.л. *(Тезисы)*.

34. Истоки формирования правового нигилизма и его проявление в социальных конфликтах второй половины XIX - начала XX века // Россия в XIX - начале XX века: Науч. чтения, посвященные памяти профессора Ю.И. Серого (1922 - 1986): Тезисы докл. и сообщ. (г. Ростов-на-Дону, 15 апреля 1992 г.). - Ростов н/Д: Изд-во НМЦ "Югос", 1992. - С. 31-33. 0,13 п.л. (в соавторстве с Лукичёвым П.Н.). *(Тезисы)*.

35. Станица или столица: культурно-психологический феномен возрождения Области Войска Донского и ее центра // Мифы провинциальной культуры: Тезисы Международ. симпозиума 11 мая 1992 г. - Самара, 1992. - С. 111-114. 0,25 п.л. (в соавторстве с Лукичёвым П.Н.). *(Тезисы)*.

36. Старое и новое в культурных традициях транспериферии // Традиционное и новое в культуре народов России: Тезисы докл. и выступл. на Всерос. конф. - Саранск, 1992. - С. 66-67. 0,1 п.л. (в соавторстве с Лукичёвым П.Н.). *(Тезисы)*.

37. Западные социальные инновации в западне российского духа во времена Петра Великого // Научные чтения по всеобщей истории, посвященные памяти акад. С.Д. Сказкина: Тезисы

докл. - Ростов н/Д, 1992. - С.81-84. 0,25 п.л. (в соавторстве с Лукичёвым П.Н.). *(Тезисы)*.

38. Культурологическое понимание властных функций государства // Государственное управление: проблемы теории, истории, практики преподавания: Тезисы докл. и сообщ. науч.-практ. конф. - Ростов н/Д: СККЦ, 1993. - С.115-118. 0,25 п.л. (в соавторстве с Лукичёвым П.Н.). *(Тезисы)*.

39. Влияние архетипа на формирование современного городского права в столице донского казачества // Российское общество: осмысление прошлого и настоящего: Тезисы докл. и сообщ. междуз. науч.-теор. конф. (11 марта 1993 г.) / Новочерк. инж.-мелиорат. ин-т. - Новочеркасск, 1993. - С.80-82. 0,2 п.л. (в соавторстве с Лукичёвым П.Н.). *(Тезисы)*.

40. Личность М.И. Платова в контексте исторического развития Области Войска Донского // Личность в политической истории Отечества: Материалы Междунар. науч. конф. (21-23 октября 1993 г.) / Моск. авиацион. ин-т. - М., 1993. - Ч.П. - С. 19-21. 0,2 п.л. (в соавторстве с Панковой-Козочкиной Т.В.). *(Тезисы)*.

41. Россия и азиатский способ реформирования общества // Восток. Запад. Россия: Тезисы Всерос. конф. (14-15 октября 1993 г.) / Ин-т по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Рост. гос. ун-те. - Ростов н/Д, 1993. - Вып. 2. - С. 82-84. 0,2 п.л. (в соавторстве с Панковой-Козочкиной Т.В.). *(Тезисы)*.

42. Проблема биосоциокультурного генотипа и реформирование общества // Реформы в России: модели и прогнозы: Тезисы докл. Всерос. науч. конф. (15-16 сентября 1994 г.) / Ин-т по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Рост. гос. ун-те. - Ростов н/Д, 1994. - Вып.3. - С. 70-72. 0,2 п.л. (в соавторстве с Лукичёвым П.Н.). *(Тезисы)*.

43. Личностные атрибуты и стандарты предпринимательского слоя // Социально-гуманитарные проблемы экономического образования: опыт и задачи преподавания в вузах России: Тезисы докл. Всерос. науч.-практ. конф. (10-11 июня 1994 г.) / Ин-т по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Рост. гос. ун-те. - Ростов н/Д, 1994. - Вып.1. - С.93-94. 0,13 п.л. (в соавторстве с Панковой-Козочкиной Т.В.). *(Тезисы)*.

44. Партикулярная культура в государственном управлении //Рациональность и государственное управление: Тезисы докл. регионал. науч. симпозиума (31 марта 1994 г.). - Ростов н/Д: СККЦ, 1995. - С.41-43. 0,2 п.л. (в соавторстве с Лукичёвым П.Н.). *(Тезисы)*.

45. Проблемы транспериферийности в местном самоуправлении // Региональная государственная служба: Тезисы докл. и сообщ. науч. симпозиума (26 апреля 1994 г.) / Северо-Кавказский кадровый центр. - Ростов н/Д, 1995. - С. 82-84. 0,2 п.л. (в соавторстве с Панковой-Козочкиной Т.В.). *(Тезисы)*.

46. Донская субкультура в поисках нового архетипа во второй половине XIX - начале XX вв. // Возрождение казачества (история, современность, перспективы): Тезисы докл., сообщ., выступл. на V Международ. (Всерос.) науч. конф. - Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1995. - С.56-57. 0,13 п.л. *(Тезисы)*.

47. Донская субкультура как историческое явление // Проблемы высшей школы и гуманизации образования: Сб. науч. тр. / Донская гос. академия сервиса. - Шахты, 1995. - Вып.16. - С.97-100. 0,25 п.л. (в соавторстве с Тикиджьяном Р.Г.). *(Тезисы)*.

48. Социальный эксперимент в акте исторического выбора //Проблемы высшей школы и гуманизации образования: Сб. науч. тр. / Донская гос. академия сервиса. - Шахты, 1995. - Вып.16. - С.75-76. 0,13 п.л. *(Тезисы)*.

49. Дискуссионные интерпретации Великой Отечественной войны // Россия: общество, народы, личность: Тезисы докл. и сообщ. регионал. межвуз. науч.-теор. конф. (Новочеркасск, 25 мая 1995 г.) /Новочерк. инж.-мелиорат. ин-т. - Новочеркасск, 1995. - С.31. 0,063 п.л. *(Тезисы)*.

50. Формирование правовых основ местного самоуправления в реформируемой России // Россия на рубеже XXI века: Материалы конф.; Вып. IV. Социология и политология, история / Воронежск. гос. ун-т. - Воронеж, 1995. - С.34-35. 0,13 п.л. *(Тезисы)*.

51. Политическая ментальность россиян // Политический менталитет: Тезисы докл. и сообщ. науч. конф. (Ростов н/Д, 26 января 1996 г.). - Ростов н/Д: Изд-во НМЦ "Логос", 1996. - С. 9-12. 0,2 п.л. (в соавторстве с Мостовой И.В.). *(Тезисы)*.

52. Концепт казачьего менталитета // Российское общество: история и современность: Тезисы докл. и сообщ. регионал. межвуз. науч.-теор. конф. /Новочерк. гос. мелиорат. академия. Ф-т

гуманитар. образования, 23 мая 1996 г. - Новочеркасск, 1996. - С.87. 0,063 п.л. *(Тезисы)*.

53. Легитимация ошибки в социальном управлении // Проблемы легитимации власти и социальное управление: Тезисы докл. и сообщ. науч. конф., г. Ростов н/Д, 1 февр. 1996 г. - Ростов н/Д: СКАГС, 1996. - С. 53-55. 0,15 п.л. *(Тезисы)*.

54. Региональная элита: проблема инкорпорации // Политико-административная элита и государственная служба в системе властных отношений: Тезисы докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 10-11 сент. 1996 г. - Ростов н/Д: СКАГС, 1996. - Вып.2. - С. 17-24. 0,4 п.л. (в соавторстве с Никитиной О.Л.). *(Тезисы)*.

55. Правовая база местного самоуправления в провинциальном городе // Региональная политика в современной России: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. - Краснодар, 1996. - Т. II. - С.135-137. 0,2 п.л. *(Тезисы)*.

56. Политический риск в муниципальных выборах // Политический риск: Тезисы докл. и сообщ. ежегодной (VI) регионал. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 27-28 января 1997 г.). - Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1997. - С. 39-42. 0,2 п.л. *(Тезисы)*.

57. "Четвертая власть": культурные универсалии и социальное управление // Власть и управление: Тезисы докл. и сообщ. Всерос. научно-практ. конф. Ростов-на-Дону, апрель 1997 г. Вып.3. - Ростов н/Д: СКАГС, 1997. - С.71-73. 0,13 п.л. (в соавторстве с Никитиной О.Л.). *(Тезисы)*.

58. Патриотизм как конституент общенациональной идеи в России // Цивилизация и человек: проблемы развития. Материалы 3-й науч. теор. конф. / ФГиСЭО Новочерк. гос. техн. ун-та, г.Новочеркасск, 20-21 апреля 1997 г. - Ростов н/Д: Изд-во "Пегас", 1997. - С. 41-42. 0,13 п.л. (в соавторстве с Линевичем А.С.). *(Тезисы)*.

59. Электронные средства массовой информации в современной России: функциональный анализ // Региональная межвуз. науч.-теор. конф. "Социальное развитие России и актуальные проблемы социологии". Тезисы докл. и сообщ., 22 мая 1997 г. - Новочеркасск: НГМА, 1997. - С.72. 0,063 п.л. (в соавторстве с Никитиной О.Л.). *(Тезисы)*.

60. Социальные параметры этнического кларка современного донского казачества // Социальные движения: истоки, проблемы,

перспективы. Тезисы докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф. Шахты, апрель 1996 г. - Шахты: ШТИБО, 1996. - Ч.II. - С.72-75. 0,2 п.л. (Тезисы).

61. Применение социальных технологий в ЭСМИ // Сборник статей и кратких сообщений по материалам научно-технической конференции студентов и аспирантов НГТУ; г. Новочеркасск, 5-15 апреля 1997 г. / Отв. ред. В.Ф. Быкадоров: Новочерк. гос. техн. ун-т. - Новочеркасск: НГТУ, 1997. - С.11-12. 0,063 п.л. (в соавторстве с Никитиной О.Л.). (Тезисы).

62. Университетская ноосфера как социокультурный фактор // Культура России в переломную эпоху: Материалы Международ. науч.-практ. конф., 26-27 ноября 1997 г. / Санкт-Петербургск. гос. горный ин-т им. Г.В. Плеханова (техн. ун-т). - СПб, 1997. - С. 86-88. 0,13 п.л. (в соавторстве с Панковой-Козочкиной Т.В.). (Тезисы).

63. Релевой выбор интеллектуала и научное творчество // Социально-экономические проблемы сервиса: Сб. науч. тр. / Редкол.: Голик Н.И. (отв. ред.) и др. / Донская гос. академия сервиса. - Шахты, 1997. - Вып. 22. - С.162-164. 0,2 п.л. (Тезисы).

64. Гражданская война в социальной динамике общества // Лосевские чтения: Материалы научно-теор. конф. "Цивилизация и человек: проблемы развития" /Новочерк. гос. техн. ун-т, 5 мая 1998 г. - Ростов н/Д: Изд-во "Пегас", 1998. - С.83-85. 0,13 п.л. (Тезисы).

65. Форматы современной региональной общественно-политической системы // Лосевские чтения: Материалы научно-теор. конф. "Цивилизация и человек: проблемы развития" /Новочерк. гос. техн. ун-т, 5 мая 1998 г. - Ростов н/Д: Изд-во "Пегас", 1998. - С.85-88. 0,16 п.л. (в соавторстве с Тикиджяном Р.Г.). (Тезисы).

66. Российская модернизация как объект научного анализа // Социальные проблемы и перспективы: история, теория, практика: Тезисы докл. и сообщ. межрегионал. науч.-теор. конф., 9-10 апреля 1998 г. / Новочерк. гос. мелиорат. академия. - Новочеркасск: НГМА, 1998. - С.85. 0,063 п.л. (Тезисы).

67. Нигилизм в правовом гиперпространстве современной России // Деструктивные процессы в развитии современной российской культуры: Материалы регионал. межвуз. конф., 28 мая 1998 г. /Воронежск. гос. ун-т. - Воронеж, 1998. - С.67-69. 0,15 п.л. (в соавторстве с Панковой-Козочкиной Т.В.). (Тезисы).

68. Развитие муниципальных образований как фактор развития гражданского общества // Научно-техническое творчество молодых - возрождению университета: Тез. докл. науч.-техн. конф. студентов и аспирантов ЮРГТУ: Юж.-Рос. техн. ун-т. - Новочеркасск, ЮРГТУ, 1999. - С. 179-180. 0,1 п.л. (в соавторстве с Лантратовой И.П.). *(Тезисы)*.

69. Корпоративное мышление юристов современной России // Российское государство в исторической ретроспективе: Материалы первой студенческой науч.-теор. конф. специальности "Юриспруденция", 28 апр. 1998 г. / Новочерк. гос. техн. ун-т. - Новочеркасск, 1998. - С.35-41. - Рус. - Деп. в ИНИОН РАН 2.06.99, № 54679. 0,25 п.л. (в соавторстве с Лантратовой И.П.). *(Тезисы)*.

70. Социальная история как виртуальная реальность // Социальная политика России: история и современность: Тезисы докл. и сообщ. межрегионал. науч.-теор. конф. / Новочерк. гос. мелиорат. академия. - Новочеркасск, 1999. - С.12. 0,063 п.л. *(Тезисы)*.

71. Концепт имперской традиции в отечественной истории // Преподавание отечественной (национальной) истории в вузе: новые подходы, концепции, методы: Материалы IV-й Международ. науч.-практ. конф. /Москва, 29 октября 1999 г. - М.: Изд-во РУДН, 1999. - С. 141-143. 0,2 п.л. (в соавторстве с Панковой-Козочкиной Т.В.). *(Тезисы)*.

72. Социодинамика современного права // Проблемы теории и практики социально-экономических, политических, правовых преобразований на рубеже столетия. Материалы конф. Ставропольского ун-та (ин-та) им. В.Д. Чурсина. Докл. и сообщ. (20-21 апреля 2000 г.). - Ставрополь: Изд-во Ставропольского ун-та, 2000. - С. 77-79. 0,2 п.л. (в соавторстве с Костюченко И.Г.). *(Тезисы)*.

73. Бриколаж европейских традиций в правовой системе Японии // Лосевские чтения: Материалы науч.-теор. конф. "Цивилизация и человек: проблемы развития" / ЮРГТУ НПИ), 3-5 мая 2000 г. - Ростов н/Д; Изд-во "Пегас", 2000. - С. 91-95. 0,3 п.л. (в соавторстве с Панковой-Козочкиной Т.В.). *(Тезисы)*.

74. Исторические эпохи, право и критерии хозяйственного оборота // Фундаментализация и гуманизация технических университетов: Материалы 49-й науч.-техн. конф. студентов и аспирантов ЮРГТУ / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т. - Новочеркасск:

ЮРГТУ, 2000. - С. 247-248. 0,063 п.л. (в соавторстве с Литвиновым А.В.). *(Тезисы)*.

75. Проблема консолидирующего начала в полиэтническом обществе // Проблемы региональной безопасности и регионального экономического развития в условиях дифференцированной этнокультурной среды: Докл. и сообщ. на Международ. науч.-практ. конф., июнь 2000 г. / Конференция проводилась при поддержке Администрации Ростовской области и Фонда Ф. Эберта (ФРГ). - Ростов н/Д: СКАГС, 2000. - С. 143-146. 0,2 п.л. *(Тезисы)*.

76. Национальные меньшинства и их правовой статус // Северный Кавказ в условиях глобализации. Тезисы Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. Р.Д. Хунагова. - Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. С. 462-465. 0,22 п.л. *(Тезисы)*.

77. Ментальные матрицы в историческом процессе // Вторые межрегионал. науч. чтения по актуальным проблемам социальной истории и социальной работы / Науч. конф.: Тезисы докл. и сообщ., 24-25 мая 2001 г. / Новочерк. гос. мелиорат. акад. - Новочеркасск, 2001. - С. 7. 0,063 п.л. *(Тезисы)*.

78. Концепт мифа в социальной истории // Вторые межрегионал. науч. чтения по актуальным проблемам социальной истории и социальной работы / Науч. конф.: Тезисы докл. и сообщ., 24-25 мая 2001 г. / Новочерк. гос. мелиорат. акад. - Новочеркасск, 2001. - С. 48. 0,063 п.л. (в соавторстве с Сережниковой Т.Л.). *(Тезисы)*.

79. Исторический опыт развития корпорации российского дворянства // Лосевские чтения: Материалы науч.-теор. конф. "Цивилизация и человек: проблемы развития". ЮРГТУ(НПИ), 4-5 мая 2001 г. - Ростов н/Д: Изд-во "Пегас", 2001. - С. 82-85. 0,2 п.л. (в соавторстве с Сережниковой Т.Л.). *(Тезисы)*.

Подписано в печать 28.11.01. Формат 60х84.1/6. Бумага офсетная.
Плоская печать (ризограф). Объем 3 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 2078.

Типография Южно-Российского государственного технического университета
(Новочеркасского политехнического института)
346428, г. Новочеркасск, Ростовской области, ул. Просвещения, 132.

2-